

СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, что мне придется ехать, Уотсон, — сказал Холмс однажды утром, когда мы сели завтракать.

— Ехать! Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Меня это несколько не удивило. Напротив, странно казалось, что он не принимает участия в интереснейшем деле, о котором говорила вся Англия. Накануне целый день мой приятель бродил по комнате из угла в угол с опущенной на грудь головой и с нахмуренными бровями. Не уделяя ни малейшего внимания моим вопросам и замечаниям, он поминутно набивал трубку крепчайшим черным табаком. Он наскоро просматривал присылаемые ему на дом газеты и тотчас же бросал их в угол. Хотя он и молчал, я все же очень хорошо понимал, о чем он думает. Только одно дело теперь могло привлечь его внимание и вызвать к деятельности его аналитические силы — это непонятное исчезновение фаворита на первый приз и трагическое убийство его тренера. Поэтому, когда он заговорил о поездке на место происшествия, я услышал только то, о чем думал и на что надеялся.

— Я был бы весьма рад поехать с вами, если только не помешаю, — сказал я.

— Вы сделаете мне величайшее одолжение, если поедете со мной, Уотсон. И я думаю, что не пожалеете, так как случай единственный в своем роде. Думаю, мы успеем попасть на поезд в Паддингтоне, а дорогой я подробно расскажу вам все. Сделайте одолжение, захватите с собой ваш прекрасный бинокль.

Приблизительно через час я уже сидел в купе первого класса поезда, мчавшегося в Эксетер, а пронизательное лицо Шерлока Холмса с его резкими чертами и в надвинутой на лоб дорожной шапке склонилось над целой кипой газет, которые мы купили на Паддингтонском вокзале. Мы уже проехали Рединг, когда он бросил под диван последний газетный лист и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, выглянув в окно и поглядев на часы. — Делаем по пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не считал столбов, на которых указаны мили.

— И я тоже. Но на этой линии телеграфные столбы расставлены на расстоянии шестидесяти ярдов, и потому очень легко сделать подсчет. Вы, вероятно, уже знакомы с делом об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

— Я читал сообщения газет «Телеграф» и «Кроникл».

— Это одно из таких дел, ведя которые надо направлять все силы скорее на выяснение мельчайших подробностей, чем на добывание новых улик. Дело настолько трагично, необыкновенно и к тому же имеет такое важное значение для многих, что у полиции прямо голова кругом идет от всевозможных предположений, догадок и гипотез. Главное затруднение состоит в том, что следует отделить самый остов фактов — несомненных, неопровержимых фактов — от измышлений теоретиков и репортеров. Затем когда мы встанем на это прочное основание, то должны будем подумать, какие могут быть сделаны заключения, и установить главные факторы, на которых зиждется вся тайна. Во вторник

вечером я получил телеграммы от полковника Росса, владельца лошади, и от полицейского инспектора Грегори, который ведет следствие по этому делу. Оба они просят меня принять в нем участие.

— Вы получили телеграмму во вторник вечером, а едете только в четверг утром! — воскликнул я. — Почему же вы не поехали вчера?

— Потому что сделал промах, дорогой Уотсон, чему могут, пожалуй, не поверить те, кто знает меня только по вашим запискам. Дело в том, что я никак не мог допустить, чтобы можно было надолго скрыть самую замечательную лошадь в Англии, в особенности в такой слабо населенной местности, как северная часть Дартмура. Вчера я весь день ждал известия, что лошадь найдена, а ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но когда на следующее утро я увидел, что все еще ничего не сделано, за исключением ареста молодого Фицроя Симпсона, я решил, что пора приниматься за дело. И все-таки вчерашний день не прошел для меня даром.

— Что? Вы имеете уже определенное мнение по этому делу?

— Во всяком случае, я ознакомился с главными фактами. Я перечислю их вам, ибо ничто так не проясняет дело, как объяснение его другому, к тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете в курсе исходного положения дел.

Я откинулся на подушки, закулив сигарету, а Холмс, водя длинным указательным пальцем по ладони левой руки, принялся описывать события, послужившие поводом к нашему путешествию.

— Серебряный, — начал он, — потомок Самоцвета и Отрады, он отличается такими же блестящими качествами, как и его знаменитый отец. Теперь ему пятый год, и он приносил все призы на скачках своему счастливому обладателю, полковнику Россу. До происшествия

он считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса, ставки шли три к одному. Он всегда был любимцем знающей публики, ожиданий которой никогда не обманывал, потому на него постоянно ставились огромные суммы. Понятно поэтому, что существует много людей, в интересах которых было не допустить появления Серебряного у флага в будущий вторник.

Разумеется, с этим фактом считались в Кингс-Пайленде, где находятся скаковые конюшни полковника Росса. Были приняты все предосторожности к охране фаворита. Его тренер — Джон Стрэкер, бывший жокей, он ездил для полковника Росса, пока не стал слишком тяжел. Стрэкер прослужил у полковника пять лет жокеем и семь лет тренером, зарекомендовав себя ревностным и честным слугой. У него под началом три конюха; конюшня небольшая, в ней только четыре лошади. Один из них дежурит по ночам в конюшне, а другие спят на чердаке. Все трое — славные, надежные ребята. Джон Стрэкер человек женатый, он занимал небольшой домик, ярдах в двухстах от конюшни. Детей у него не было, он держал одну служанку и жил с известным комфортом. Местность кругом уединенная, но приблизительно в полумиле к северу находятся несколько вилл, выстроенных каким-то подрядчиком из Тависток для больных и для желающих подышать чистым дартмурским воздухом. Сам Тависток лежит на две мили к западу, а по другую сторону болота, также в двух милях, находятся большие Кейплтонские конюшни, принадлежащие лорду Бэкуотеру и управляемые Сайлесом Брауном. Местность кругом на много миль пустынная, по временам в ней встречаются только бродячие цыгане. Таково было положение дела до трагедии, происшедшей в понедельник ночью.

В девять часов вечера лошадей, как всегда, заперли в стойле после обычной проездки и водопоя. Двое из конюхов пошли ужинать на кухню к тренеру, а третий, Нэд

Хантер, остался дежурить в конюшне. Через несколько минут служанка, Эдит Бакстер, принесла ему ужин: тушеную баранину с чесночным соусом. Она не захватила ему никакого питья, в конюшне стоит бочка с водой, а дежурному не полагается пить чего-либо другого кроме воды. Было очень темно, и девушка зажгла фонарь, чтобы пройти через заросли дрока по топкому месту.

Эдит Бакстер была уже ярдах в тридцати от конюшни, как из окружающей ее темноты внезапно вынырнул какой-то человек и приказал ей остановиться. Когда он подошел, в свете фонаря девушка увидела джентльмена, в сером шерстяном костюме и суконной шапочке. На ногах у него были штиблеты, а в руках палка с тяжелым набалдашником. Смертельная бледность лица и нервные манеры поразили Эдит. На вид он ей показался не моложе тридцати лет.

— Вы можете сказать мне, где я нахожусь? — спросил он. — Я уже решил, что мне придется ночевать на болоте, когда неожиданно увидел свет вашего фонаря.

— Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, — ответила она.

— В самом деле? Вот так удача! — воскликнул незнакомец. — Говорят, тут каждую ночь дежурит один из конюхов. Вероятно, вы несете ему ужин? Ну, я думаю, вы не откажетесь заработать себе на новое платье, не правда ли?

Он вынул из кармана жилета сложенный лист бумаги.

— Передадите это конюху сегодня же, и у вас будет самое красивое платье, какое только можно приобрести за деньги.

Его настойчивость испугала девушку, и она пробежала мимо него к окну, через которое подавала обыкновенно ужин. Окно было уже открыто, и Хантер сидел в конюшне за маленьким столом. Она стала рассказывать о том, что с ней случилось, как незнакомец вдруг тоже подошел к окну и заглянул внутрь.

— Добрый вечер, — сказал он, — я желаю поговорить с вами.

Девушка клянется, что видела уголок бумажки, сжатой в его руке, когда он обратился к конюху.

— Что вам тут надо? — спросил Хантер.

— Дело, очень выгодное для вашего кармана, — ответил незнакомец. — У вас есть два претендента на приз кубка Уэссекса — Серебряный и Баярд. Сообщите верные сведения о них и не останетесь внакладе. Правда ли, что вес, который несет Баярд, позволяет обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов и что конюшня ставит на него?

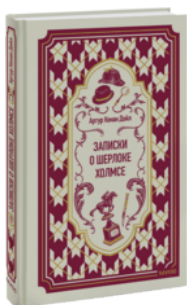
— А! Так вы один из этих проклятых шпионов! — крикнул конюх. — Я покажу вам, как мы угощаем их в Кингс-Пайленде!

Он вскочил и бросился на другой конец конюшни, чтобы спустить собаку. А девушка побежала к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунулся в окно. Однако, когда Хантер минуту спустя выбежал с собакой, незнакомец исчез, и как ни искал конюх, он не мог найти и следов его.

— Одну минуту! — перебил я Холмса. — Конюх не запер за собой дверь, выбежав с собакой из конюшни?

— Превосходно. Уотсон, превосходно, — проговорил мой приятель. — Я тоже подумал об этом и вчера послал в Дартмур телеграмму, чтобы прояснить этот вопрос. Конюх запер дверь, выйдя из конюшни. Окно же недостаточно велико для того, чтобы через него мог пролезть человек.

Хантер подождал возвращения своих товарищей и послал сказать тренеру о случившемся. Стрэкер встревожился, хотя, кажется, большого значения происшествию не придал. Однако им овладело смутное беспокойство, и миссис Стрэкер, проснувшись около часу ночи, увидела, что он одевается. На ее вопрос он ответил, что не может спать, так

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

